

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL PROCEDURE MEASURES OF CRIME COUNTERACTING

УДК 343.14

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).495-501

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ: К ДИСКУССИИ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

С.В. Корнакова¹, Е.В. Завгороднева²

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

22 июля 2021 г.

Дата принятия в печать

15 августа 2021 г.

Дата онлайн-размещения

10 сентября 2021 г.

Ключевые слова

Уголовно-процессуальное право;
уголовное право; уголовно-
процессуальное доказывание; состав
преступления; предмет доказывания;
обстоятельства, подлежащие
доказыванию; квалификация
преступления

Аннотация. Анализируются точки зрения ученых по вопросу соотношения категорий «состав преступления» и «предмет доказывания». Основным объектом критики является встречающееся в науке суждение о тождественности элементов состава преступления и обстоятельств предмета доказывания, входящих в главный факт. Авторами с использованием логического критерия демонстрируется несостоятельность подобного утверждения. Указанные в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельства лишь условно характеризуют существенные признаки состава преступления. Поэтому главный факт — это образующая основу состава преступления совокупность фактических обстоятельств.

В логическом аспекте квалификация преступления представляет собой силлогистический вывод, в соответствии с которым при совпадении существенных признаков расследуемого деяния с признаками отраженного в уголовном законе понятия конкретного состава преступления последнее становится понятием данного деяния. С этой позиции, по мнению авторов, речь допустимо вести не о тождестве подлежащих доказыванию обстоятельств и состава преступления, а исключительно о тождестве их существенных признаков, определяемых уголовным законом. Отмечается специфика терминологии наук уголовного права и процесса, которая также не позволяет отождествить категории «состав преступления» и «предмет доказывания».

Показывается значение наличия в уголовно-процессуальном законе сформулированного предмета доказывания и его взаимосвязь с составом преступления. Делается вывод, что доказывание по уголовному делу имеет в качестве своей предпосылки определенное знание, выполняющее методологическое значение. Поэтому предмет доказывания в гносеологическом плане есть установленная законодателем программа уголовно-процессуальной деятельности. Нормами уголовного закона определяются параметры уголовно-процессуального доказывания, поэтому предмет доказывания содержит в своей основе уголовно-правовую характеристику деяния, но не тождественен ему. Устанавливаемые в процессе доказывания обстоятельства дела соотносятся с нормами уголовного закона с целью возможной уголовно-правовой квалификации деяния. Состав преступления, определенный уголовным законом, и предмет доказывания, сформулированный уголовно-процессуальным законом, служат строгой определенности и конкретизации процесса доказывания, осуществляемого органами предварительного расследования и суда.

CORPUS DELICTI AND THE SUBJECT OF PROOF: TO THE DISCUSSION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS

Svetlana V. Kornakova¹, Ekaterina V. Zavgorodneva²

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Orenburg State University, Orenburg, the Russian Federation

Article info

Received

2021 July 22

Accepted

2021 August 15

Abstract. The authors analyze the opinions of scholars about the correlations between the categories «corpus delicti» and «subject of proof». The main object of their criticism is the idea, supported by some scholars, that the elements of corpus delicti equal the circumstances to be proven that are included in the key fact. The authors use the logical criterion to demonstrate that this claim is unsubstantiated. The circumstances stated in Clauses 1 and 2, Part 1, Art. 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation characterize the key features of corpus delicti only

Available online
2021 September 10

Keywords

Criminal procedure law; criminal law;
criminal procedure proof; corpus delicti;
subject of proof; circumstances to be
proven; qualification of the crime

conditionally. In this connection, the key fact is the aggregate of factual circumstances that constitutes the basis of corpus delicti.

In the logical aspect, the qualification of a crime is a syllogistic inference, according to which, if the essential features of the action under investigation coincide with the features of the concept of a specific crime as described in criminal law, then this crime becomes the concept of this action. According to the authors, from this standpoint it is possible to discuss not the equivalence of circumstances to be proven and corpus delicti, but only the equivalence of their essential features as determined by criminal law. They point out the specific character of criminal law and process terminology that also does not make it possible to equate the categories «corpus delicti» and «subject of proof».

The significance of the existence of a formulated subject of proof in criminal procedure law and its interconnection with corpus delicti is demonstrated. It is concluded that proof in a criminal case is based on certain knowledge, which performs a methodological function. In this connection, the subject of proof, in the gnoseological sense, is a program of criminal procedure activities determined by the lawmaker. The norms of criminal law determined the parameters of criminal procedure proving, so the subject of proof is based on the criminal law characteristic of the action but does not equal it. The circumstances of the case, determined in the process of proving, are correlated with the norms of criminal law with the purpose of possible criminal law qualification of the action. Corpus delicti, determined in the criminal law, and the subject of proof, formulated in the criminal procedure law, ensure strict certainty and specification of the process of proving carried out by the preliminary investigation bodies and the court.

Вопрос о соотношении таких правовых категорий, как состав преступления и предмет доказывания, нельзя назвать недостаточно исследованным в теории уголовно-процессуального права. В частности, производность норм уголовно-процессуального права от норм материального права, а значит, и обусловленность круга обстоятельств, входящих в предмет доказывания, признаками состава преступления среди ученых не вызывают сомнений, поскольку назначением уголовного процесса является разрешение направленных против нормативных ценностей [1, р. 9] и потому имеющих уголовно-правовой характер конфликтов [2, р. 225].

Тем не менее подходы исследователей к выявлению взаимной связи и взаимного отношения указанных категорий несколько разнятся, поэтому представляется целесообразным обращение к их анализу, а также выражение собственной позиции по данному вопросу.

В юридической литературе уголовно-процессуальное доказывание рассматривается как двухэтапный процесс, включающий, во-первых, процессуальное познание обстоятельств уголовного дела и, во-вторых, логическое обоснование познанными обстоятельствами принимаемых по этому делу решений [3]. Как верно утверждают некоторые авторы, правильная квалификация преступлений — залог справедливости наказания [4, с. 9]. Следовательно, существует прямая зависимость между правильным установлением всех обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу и правильностью

его квалификации, от чего так же напрямую зависит справедливость разрешения уголовного дела. При этом именно предмет доказывания, являющийся единым и неизменным (за редким исключением) по всем уголовным делам, выступает фактором, связующим уголовное процессуальное и материальное право.

Для правильной квалификации преступного деяния необходимо установить две основы решения: нормативную, носящую идеальный характер, и фактическую как совокупность доказательств, которыми устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела, выступающих в качестве предмета доказывания. В связи с этим, разделяя мнение Е.В. Брянской по поводу зависимости уголовно-правовой квалификации преступления от установления предусмотренных уголовно-процессуальным законом обстоятельств уголовного дела, считаем, тем не менее, необходимым выразить несогласие с выводом указанного автора о возможности установления тождества между содержащимся в определенной статье уголовного закона признаками состава преступления и выявленными в ходе доказывания доказательствами [5, с. 96].

Во-первых, с логической точки зрения такого тождества быть не может уже потому, что состав преступления представляет собой абстрактную модель и служит общей посылкой для вывода о соответствии обстоятельств конкретного уголовного дела соответствующей норме уголовного закона. Поэтому норма уголовного закона — общее знание, а обстоятель-

ства дела — частный случай, который подводится под общее для таких случаев правило.

Во-вторых, доказательства являются средством установления искомых фактов — обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ (предмета доказывания), поэтому именно они, а не доказательства, соотносятся с содержанием определенной нормы уголовного закона — составом преступления.

В-третьих, если исходить из тождества обстоятельств, включенных в предмет доказывания, и состава преступления, представляющего собой общую для любого преступления конъюнкцию только необходимых признаков (признаки объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны), то становится невозможной реализация принципа индивидуализации наказания.

Каждое преступление, как известно, единично и неповторимо. Поэтому обстоятельства любого уголовного дела, как отмечает Ю.В. Козубенко, всегда намного шире, более разнообразны и уникальны, чем те признаки, которые в своей совокупности образуют состав преступления [6, с. 16]. Положения же норм уголовного закона — это положения высокой степени общности, обеспечивающей возможность их применения к каждому конкретному случаю. Поэтому конкретное не может быть тождественно общему, так же как неверным будет, например, и представление о том, что результат действия, выполненного по определенным правилам, будет являться тождественным самому правилу. Речь можно вести лишь о сходстве в существенных признаках и того, и другого.

В силу его очевидности не должно вызывать возражений утверждение о том, что круг обстоятельств, включенных в предмет доказывания, содержательнее элементов состава преступления. Иными словами, предмет доказывания по содержанию выходит за пределы состава преступления. Так, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства (п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) не влияют на квалификацию деяния, но тем не менее значимы для решения вопроса о мере наказания. Поэтому установление данных обстоятельств не имеет отношения к составам преступлений, отраженным в нормах Особенной части УК РФ, а обусловлено принципом индивидуализации уголовной ответственности, отраженным в гл. 10 Общей части УК РФ. За рамками состава преступления устанавливаются обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), соответствующие гл. 8

УК РФ, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), соответствующие гл. 11 и 12 УК РФ. При этом, как отмечает И.П. Попова, показательно, что законодатель в рамках и уголовного, и уголовно-процессуального права ориентирует правоприменителя на очередность рассмотрения вопросов об освобождении от уголовной ответственности и об освобождении от наказания: лишь при отсутствии оснований для первого может рассматриваться второй [7, с. 112].

Не охватываются понятием состава преступления и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ), выявление которых зачастую носит превентивный характер.

Многими учеными установление элементов состава преступления в ходе производства по уголовному делу соотносится не со всеми обстоятельствами, отраженными в ст. 73 УПК РФ, а прежде всего с обстоятельствами, входящими в главный факт. При этом в научных источниках нередко высказывания о тождественности состава преступления и главного факта, нормативно закрепленного в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ [8, с. 82]. В частности, по мнению В.А. Лазаревой, именно совокупность обстоятельств, именуемых главным фактом, образует состав преступления [9, с. 98].

Безусловно, п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ соотносится с объективной стороной состава преступления, а п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ — с его субъективной стороной. Тем не менее между ними не может быть тождества хотя бы потому, что указанные в перечисленных нормах обстоятельства несут процессуальную нагрузку, и термины «событие преступления» и «виновность лица» лишь условно характеризуют существенные признаки состава преступления [10, с. 164–165]. Поэтому нами разделяется точка зрения ученых, считающих, что главный факт — это образующая основу состава преступления совокупность фактических обстоятельств [11, с. 14], тогда как состав преступления — это законодательная модель преступления.

Следует также указать, что некоторые авторы, одновременно утверждая тождественность понятий «главный факт» и «состав преступления», вместе с тем полагают, что состав преступления, и только он, именуется стандартом для предмета доказывания [8, с. 77]. Между тем само понятие «стандарт», согласно справочным источникам, означает образец, модель, эталон, которые принимаются за исходные для сопоставления с ними других, подобных им объектов [12, с. 495]. Под-

черкнем — подобных, но не тех же самых, не тождественных. Поэтому мыслительная деятельность субъекта доказывания основана на сравнении, под которым понимается сопоставление признаков состава преступления и изучаемого деяния и выявление между ними сходства и различия [13, с. 51].

Логическим эквивалентом понятия «сравнение» является понятие «аналогия» — индуктивный способ познания. Аналогия основана на сходстве, которое сопряжено с различием и без последнего не существует [14, р. 27]. Поэтому отождествлять сравниваемые объекты представляется явно некорректным.

Ни для кого не секрет, что именно индуктивным путем (от имеющихся в реальной действительности следов к формированию общей картины события прошлого) осуществляется процесс расследования преступлений. Посредством индуктивных выводов становится возможным переход от знания меньшей степени общности — частных фактов, полученных в ходе уголовно-процессуального доказывания, к общим положениям. Значимость индуктивного метода заключается в том, что с его помощью обнаруживаются взаимозависимости между исследуемыми явлениями в процессе расследования преступления, лишь на заключительных этапах которого, когда собрана вся необходимая информация, становится возможной их правовая оценка с применением дедуктивных форм вывода.

Чтобы оценить какое-либо деяние, необходимо, как отмечает А.А. Тер-Акопов, установить то понятие, которое охватывает это деяние. Без решения данной задачи деяние не имеет юридического значения [13, с. 49]. Поэтому в логическом аспекте квалификация преступления представляет собой силлогистический вывод, в соответствии с которым при совпадении существенных признаков расследуемого деяния с признаками отраженного в уголовном законе понятия конкретного состава преступления последнее становится понятием этого деяния. С этой позиции, на наш взгляд, речь допустимо вести не о тождестве подлежащих доказыванию обстоятельств дела и состава преступления, а исключительно о тождестве их существенных признаков, при этом уголовный закон определяет, какие именно признаки являются существенными (необходимыми и достаточными) для признания деяния преступлением.

Следует отметить еще один момент, заключающийся в специфике терминологии, которой оперируют науки уголовного права и уголовного процесса, не позволяющей отождествить эле-

менты состава преступления и обстоятельства, включаемые в главный факт.

Во-первых, представляется затруднительным отождествление понятий события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), призванного отражать свершившийся факт, и состава преступления — абстрактной юридической конструкции, в реальной действительности не существующей. Этой разницей в самом общем смысле и обусловлена законодательная дифференциация оснований отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела (ч. 1 и 2 ст. 24 УПК РФ соответственно).

Во-вторых, в теории уголовного права признаки таких понятий, как «преступление» и «состав преступления», различаются, но в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ использованы понятия и «виновность», и «вина». Если первое является обязательным признаком преступления, то второе — обязательным признаком субъективной стороны состава преступления. В науке же уголовного процесса понятие «виновность», выступая своеобразным объектом познания в ходе доказывания [15, р. 45], означает доказанность совершения конкретным лицом конкретного преступления. Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости рассмотрения соотношения категорий «состав преступления» и «предмет доказывания» в различных аспектах. М.С. Строгович в этой связи справедливо указывал, что «элементами доказывания являются не просто юридические признаки состава преступления, указанные в уголовном законе, а те фактические обстоятельства, факты, которые имели место в данном конкретном случае и которые соответствуют указанным в законе юридическим признакам, т.е. элементам состава преступления» [16, с. 209].

Заметим также, что если перечисленные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства подлежат доказыванию, то в отношении таких обязательных элементов юридической конструкции «субъект преступления», как вменяемость и возраст, этого сказать нельзя. Так, вменяемость при расследовании уголовных дел зачастую выступает в качестве фактической презумпции, предполагающей необходимость доказывания противоположного. Возраст лица также специально доказывается далеко не по каждому уголовному делу.

Кроме этого, объективным атрибутом любого преступного деяния выступает его общественная опасность. Последняя определяется главным образом исходя из тех последствий, которые влечет его совершение. Без них (последствий) нет

и преступления. Даже нереализованная угроза причинения вреда тоже преступное последствие, поэтому преступлений без общественно опасных последствий не существует [17, р. 18]. Причиненный преступлением вред, по справедливому утверждению В.Г. Даева, «не только является элементом объективной стороны состава преступления, но и оценивается в ходе установления его объективной стороны» [18, с. 105]. В связи с этим следовало бы и п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ включить в понятие «главный факт». Заметим также, что некоторые авторы связывают и обстоятельства п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, не включаемого в главный факт, с субъектом преступления — одним из необходимых элементов состава преступления [19, с. 55]. Этим еще раз подтверждается большая доля условности при установлении соотношения категорий «главный факт» и «состав преступления».

Уголовный процесс, как отмечал еще в 1881 г. доцент Императорского Новороссийского университета В.Н. Палаузов, — это «деятельность по применению материального правового положения к конкретному случаю» [20, с. 215]. Поэтому в ходе доказывания по каждому уголовному делу установлению подлежат прежде всего обстоятельства, факты, характеризующие расследуемое событие, результатом которого выступает их материально-правовая оценка, выражающаяся в соответствии установленных обстоятельств указанным в уголовном законе юридическим признакам (элементам состава преступления) [18, с. 101; 21, с. 250].

Таким образом, в процессе производства по уголовному делу субъекты доказывания подвергают анализу получаемые фактические данные, выявляя признаки, которые могут быть существенными для уголовно-правовой оценки деяния [22, с. 48]. При этом выявленные признаки расследуемого события сопоставляются с известным понятием состава преступления и при наличии сходства конкретизируются видовыми признаками (например, преступление против собственности — хищение — кража). Формулированием понятия конкретного состава преступления, соотнесенного с признаками установленных по делу обстоятельств, завершается процесс доказывания по уголовному делу. Поэтому, пока полученная процессуальными средствами информация об искомых обстоятельствах не проверена и не оценена, уголовно-правовая квалификация деяния невозможна.

Если правильная квалификация деяния, являясь необходимой предпосылкой индивидуализации уголовной ответственности, представляет

собой непереносимое требование, которому должны следовать органы предварительного расследования, прокурор и суд и которым определяется законность и справедливость разрешения уголовного дела по существу, то наличие в уголовно-процессуальном законе четкого определения предмета доказывания позволяет осуществлять доказывание (сбор, проверку и оценку доказательств) целенаправленно и экономно. Как отмечал Р. Декарт, «любое неизвестное должно быть чем-то отмечено, иначе ничто не направляло бы нас к исследованию данной вещи» [23, с. 133]. Поэтому, выступая проблемой, познание прошлого преступного события с необходимостью включает в себя знание о путях и способах ее разрешения. Другими словами, требуется не только определенность того, что нужно познать, но и того, каким образом возможно достижение необходимого знания. Если в качестве первого выступает обусловленный нормами уголовного закона предмет доказывания по уголовному делу, применяемый к конкретным условиям случая, то в качестве второго — предусмотренные законом средства: уголовно-процессуальные доказательства и уголовно-процессуальные действия.

Таким образом, доказывание по уголовному делу имеет в качестве своей предпосылки определенное знание, выполняющее в основном методологическое значение. Как известно, «в понимании метода существует тенденция к экспликации связи понятия «метод» не только с понятиями «способ» или «средство», но и с понятием «цель» [24, р. 416], в данном случае речь идет о цели познания по уголовному делу. Поэтому предмет доказывания в гносеологическом плане есть модель, установленная законодателем программа уголовно-процессуальной деятельности, содержащая в своей основе уголовно-правовую характеристику преступления. Наличием такой программы главным образом преследуется цель облегчить уголовно-процессуальную деятельность. Сформулированные в предмете доказывания последовательные задачи, подлежащие разрешению в повторяющихся, типичных ситуациях, направляют и облегчают деятельность субъектов доказывания, поскольку отпадает необходимость всякий раз заново формулировать задачи, являющиеся общими для любой из таких ситуаций. Кроме этого, наличие четко сформулированной программы, в соответствии с которой осуществляется процесс доказывания по уголовному делу, делает его проверяемым, облегчая последующий контроль законности производ-

ства по уголовному делу. В этом заключается назначение закрепления предмета доказывания в уголовно-процессуальном законе.

Взаимосвязь категорий «состав преступления» и «предмет доказывания» проявляется также в том, что правильное установление входящих в их структуру элементов имеет не только уголовное и уголовно-процессуальное, но и криминалистическое значение. В частности, по мнению Е.И. Овчаренко, структура их взаимосвязи построена «по принципу матрешки»: обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, с одной стороны, в качестве своей необходимой составной части содержат уголовно-правовую характеристику преступления, а с другой — сами являются необходимой составной частью криминалистической характеристики преступления [25, с. 34].

Таким образом, нормами уголовного закона определяются параметры уголовно-процессуального доказывания, поэтому предмет доказывания в своей основе содержит состав преступления (уголовно-правовую характеристику деяния), но не тождественен ему. Устанавливаемые в процессе доказывания обстоятельства дела соотносятся с нормами уголовного закона для определения возможной уголовно-правовой квалификации деяния. Состав преступления, определенный уголовным законом, и предмет доказывания, сформулированный уголовно-процессуальным законом, служат строгой определенности поиска доказательственной информации по делу, конкретизации процесса доказывания, осуществляемого органами предварительного расследования и суда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Moore M.S. Placing Blame: A Theory of Criminal Law / M.S. Moore. — Oxford : Clarendon Press, 1997. — 872 p.
2. Priel D. Trouble for Legal Positivism / D. Priel. — DOI 10.1017/S1352325206060083 // Legal Theory. — 2006. — Vol. 12, No 3. — P. 225–263.
3. Васин В.В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального познания судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела / В.В. Васин // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 147–149.
4. Наумов А.В. Законы логики при квалификации преступлений / А.В. Наумов, А.С. Новиченко. — Москва : Юрид. лит., 1978. — 104 с.
5. Брянская Е.В. Предмет доказывания в квалификации преступного деяния / Е.В. Брянская // Сибирский юридический вестник. — 2016. — № 4 (75). — С. 95–100.
6. Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Козубенко. — Екатеринбург, 2006. — 23 с.
7. Попова И.П. Актуальные проблемы постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве / И.П. Попова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 4. — С. 107–114.
8. Александров А.С. Относимость уголовно-процессуальных доказательств / А.С. Александров, С.А. Фролов. — Нижний Новгород : Нижегород. правовая акад., 2011. — 176 с.
9. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России : учеб. пособие / В.А. Лазарева. — Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2007. — 302 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. — 2-е изд. — Москва : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
11. Шаламов М.П. Теория улик / М.П. Шаламов. — Москва : Госюриздат, 1960. — 182 с.
12. Краткий словарь иностранных слов / авт.-сост. Е.А. Гришина. — Москва : Астрель, 2002. — 640 с.
13. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика : учеб. пособие / А.А. Тер-Акопов. — Москва : ОМЕГА-Л, 2006. — 255 с.
14. Mill J.St. System of logic ratiocinative and inductive; being a connected view of the principles of evidence and the methods of scientific investigation / J.St. Mill. — London : Longmans, Green a. co, 1886. — XVI, 622 p.
15. Allen R.J. The conceptual challenge of expert evidence / R.J. Allen // Discusiones Filosoficas. — 2013. — Vol. 14, iss. 23. — P. 41–65.
16. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. — Москва : Изд-во АН СССР, 1955. — 383 с.
17. Moore M.S. Placing Blame: A Theory of Criminal Law / M.S. Moore. — Oxford : Clarendon Press, 1997. — 872 p.
18. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса / В.Г. Даев. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1982. — 112 с.
19. Кулев А.Г. К вопросу о соотношении предмета доказывания и состава преступления / А.Г. Кулев // Процессуальные и криминалистические проблемы доказывания : сб. науч. тр. / отв. ред. А.Ф. Соколова. — Ярославль, 2011. — Вып. 1. — С. 47–55.
20. Палаузов В.Н. Вступительная лекция по уголовному судопроизводству / В.Н. Палаузов // Записки Императорского Новороссийского университета / под ред. А.А. Кочубинского. — Одесса, 1881. — Т. 32. — С. 209–226.
21. Скоблик К.В. Гносеология российского уголовного процесса и критерии ее выбора / К.В. Скоблик. — DOI 10.17150/2500-2759.2017.27(2).246-256 // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 246–256.
22. Брянская Е.В. Взаимосвязь доказательств в процессе доказывания по уголовному делу / Е.В. Брянская // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 3. — С. 44–51.
23. Декарт. Р. Правила для руководства ума. В 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. — Москва : Мысль, 1989. — 654 с.
24. Jeri D. Collins Dictionary Sociology / D. Jeri, J. Jeri. — New York : Harper Collins Publishers, 1995. — 443 p.
25. Овчаренко Е.И. Доказывание по уголовным делам о хулиганстве (досудебное производство) / Е.И. Овчаренко ; под ред. А.В. Гриненко. — Москва : Юрлитинформ, 2006. — 128 с.

REFERENCES

1. Moore M.S. *Placing Blame: A Theory of Criminal Law*. Oxford, Clarendon Press, 1997. 872 p.
2. Priel D. Trouble for Legal Positivism. *Legal Theory*, 2006, vol. 12, no. 3, pp. 225–263. DOI: 10.1017/S135232520600083.
3. Vasin V.V. To the Question of Notion of Procedural Criminal Law Understanding of the Criminal Case Circumstances by the Court of the First Instance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2007, no. 303, pp. 147–149. (In Russian).
4. Naumov A.V., Novichenko A.S. *The Laws of Logic and the Qualification of Crimes*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1978. 104 p.
5. Bryanskaya E.V. Evidence Subject to the Qualification of a Criminal Act. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2016, no. 75, pp. 95–100. (In Russian).
6. Kozubenko Yu.V. *Criminal prosecution: questions of theory and practice*. Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2006. 23 p.
7. Popova I.P. Actual Problems of a Guilty Verdict without Assignment of Punishment in the Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 4, pp. 107–114. (In Russian).
8. Aleksandrov A.S., Frolov S.A. *The Relevance of Criminal Procedure Proof*. Nizhny Novgorod Law Academy Publ., 2011. 176 p.
9. Lazareva V.A. *The Problems of Proving in Contemporary Criminal Process in Russia*. Samara State University Publ., 2007. 302 p.
10. Zhogin N.V. (ed.). *Proof Theory in Soviet Criminal Procedure*. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1973. 736 p.
11. Shalamov M.P. *The Theory of Evidence*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 182 p.
12. Grishina E.A. (ed.). *Concise Dictionary of Foreign Words*. Moscow, Astrel Publ., 2002. 640 p.
13. Ter-Akopov A.A. *Legal Logic*. Moscow, OMEGA-L Publ., 2006. 255 p.
14. Mill J.St. *System of Logic Ratiocinative and Inductive; Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation*. London, Longmans, Green & Co., 1886. XVI, 622 p.
15. Allen R.J. The Conceptual Challenge of Expert Evidence. *Discusiones Filosoficas*, 2013, vol. 14, iss. 23, pp. 41–65.
16. Strogovich M.S. *The Material Truth and Court Proof in the Soviet Criminal Process*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 383 p.
17. Moore M.S. *Placing Blame: A Theory of Criminal Law*. Oxford, Clarendon Press, 1997. 872 p.
18. Daev V.G. *The Interconnection between Criminal Law and Process*. Leningrad State University Publ., 1982. 112 p.
19. Kulev A.G. To the question of correlation between the subject of proof and corpus delicti. In Sokolova A.F. (ed.). *Procedural and Criminalistic Problems of Proving*. Yaroslavl, 2011, iss. 1, pp. 47–55. (In Russian).
20. Palauzov V.N. Introductory lecture in criminal court proceedings. In Kochubinskii A.A. (ed.). *Notes of His Emperor's Novorossiysk University*. Odessa, 1881, vol. 32, pp. 209–226. (In Russian).
21. Skoblik K.V. Gnoseology of the Russian Criminal Procedure and Criteria of its Choice. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 246–256. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).246-256. (In Russian).
22. Bryanskaya E.V. Interrelation of Evidence in the Process of Proof of Criminal Proceedings. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 3, pp. 44–51. (In Russian).
23. Descartes R. *Rules for the Direction of the Mind*. 1626. (Russ ed.: Descartes R. *Rules for the Direction of the Mind*. Moscow, Mysl' Publ., 1989. Vol. 1. 654 p).
24. Jeri D., Jeri J. *Collins Dictionary Sociology*. New York, Harper Collins Publishers, 1995. 443 p.
25. Ovcharenko E.I.; Grinenko A.V. (ed.). *Proving in Criminal Cases of Hooliganism (pre-trial proceedings)*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 128 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнакова Светлана Викторовна — доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: KornakovaSV@bgu.ru.

Завгороднева Екатерина Валерьевна — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета, г. Оренбург, Российская Федерация; e-mail: Korniyaseva.katy@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корнакова С.В. Состав преступления и предмет доказывания: к дискуссии о соотношении понятий / С.В. Корнакова, Е.В. Завгороднева. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).495-501 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 4. — С. 495–501.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kornakova, Svetlana V. — Ass. Professor, Chair of Legal Support of National Security, Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; KornakovaSV@bgu.ru.

Zavgorodneva, Ekaterina V. — Postgraduate Student, Chair of Criminal Process and Criminalistics, Orenburg State University, Orenburg, the Russian Federation; e-mail: Korniyaseva.katy@mail.ru.

FOR CITATION

Kornakova S.V., Zavgorodneva E.V. Corpus delicti and the subject of proof: to the discussion of the relationship between the concepts. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 495–501. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).495-501. (In Russian).